

«ПОГРАНИЧНЫЙ ЯЗЫК» КАК ОСОБЫЙ ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Людмила В. Кушнина*

Пермский государственный технический университет, Россия

Key words: translation, translation space, translation studies, intercultural communication, harmony.

Summary: Translation space conception is applied to the hierarchy of quality assessment criteria among which harmony represents the highest level.

Исследуя закономерности межъязыкового и межкультурного взаимодействия, возникающего в процессе перевода, мы приходим к выводу о широких эвристических возможностях переводческой коммуникации. Сопоставление текстов оригинала с текстами перевода, которые представляют собой результат синергии гетерогенных смыслов, позволяет выявить и описать эти возможности. Речь идет о так называемом «пограничном языке», помогающем преодолевать языковые различия коммуникантов, принадлежащих различным лингвокультурам. По мнению директора Института русской литературы (Пушкинского Дома) Всеволода Багно, «в случае хорошего перевода произведение может выиграть благодаря особенностям другого языка», а «перевод с одного языка на другой рождает «пограничный язык...» (цит. по Ивановой, 2010: 5).

В каких условиях происходит порождение пограничного языка? Каковы его особенности?

Для ответа на эти вопросы обратимся к смысловой модели процесса перевода – переводческому пространству (Кушнина, 2009).

В ее основе лежат идеи функционально-семантического поля и синергетики. Представляя перевод как синергетическую систему транспонирования смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую, мы приходим к выводу об уникальности каждого

* © Кушнина Л.В., 2010.

текста перевода, так как в каждом случае возникает уникальная конфигурация переводческого пространства, мысленно создаваемого переводчиком. Ключевым понятием переводческого пространства является смысл, обладающий такими характеристиками, как имплицитность воплощения, интерпретативность восприятия, креативность выражения (Рябцева, 2005). В ситуации переводческой коммуникации происходит не просто воссоздание смысла, но его приращение и рождение новых смыслов, что позволяет отнести перевод к синергетическим процессам. Формальное представление переводческого пространства основано на его полевой структуре: ядро символизирует содержание текста, равноценное эксплицитно выраженному тексту, которое условно обозначено как содержательное поле и выступает инвариантом для переводчика, а периферия – текстовые поля и поля субъектов переводческой коммуникации (адресата, адресанта, переводчика), соотносящиеся с имплицитными смыслами, которыми пронизаны тексты оригинала и перевода.

Переводческое пространство призвано систематизировать те многочисленные имплицитные смыслы, которыми оперирует переводчик, приступая к процессу перевода. Методологической основой переводческого пространства является синергетическая идеология, позволяющая проанализировать процесс воссоздания «порядка» из «хаоса», результатом чего является так называемый «пограничный язык», который порождает «пограничный текст».

Рассмотрим кратко поля переводческого пространства, в которых формируются имплицитные смыслы. Сначала дадим описание полей субъектов переводческой коммуникации. Во-первых, текст оригинала, подлежащий переводу, включен в личную сферу его автора, отражая авторские намерения, его способности фиксировать знания о мире, категоризировать и концептуализировать их. Его формированию предшествует предтекст, в котором закладывается авторская модальность, на основе чего формируется модальный смысл поля автора.

Во-вторых, текст перевода отражает ценностные ориентации, установки, отношения переводчика, его индивидуальное видение, его собственную переводческую картину мира, его индивидуальную систему образов. Глубина понимания текста обусловлена проникновением переводчика в подтекст, на основании которого формируется индивидуально-образный смысл поля переводчика.

В-третьих, потенциальная возможность восприятия и понимания текста читателем, прогнозируемая переводчиком, также определяется тем контекстом фоновых знаний, которыми он обладает, что

формирует рефлексивный смысл переводческого пространства в поле реципиента.

Таким образом, модель переводческого пространства антропоцентрична по своей сути, ибо она предполагает, что каждый индивид, каждый субъект переводческой коммуникации вносит в процесс и в результат перевода свой смысл, что приводит к порождению такого текста перевода, который в каждом языке и в каждой культуре уникален.

В-четвертых, в переводческом пространстве формируется энергетическое поле. Его функционирование мы связываем с текстовой энергией, о которой писал еще В. фон Гумбольдт (Гумбольдт, 1984). Энергетика текста также должна быть передана переводчиком. Способом ее проявления выступают эмотивные смыслы. Если речь идет об устном переводе, мы считаем, что невербальные средства общения становятся источником эмотивных смыслов, дополняя и расширяя экспрессивно-аффективные характеристики письменного текста.

В-пятых, важнейшим полем переводческого пространства является фатическое поле как источник культурологического смысла. Фатическое поле формируется в результате взаимодействия и контакта культур родного и иностранного языков. Для его осмысления необходимо понимание переводчиком интертекста или интердискурса, которые актуализируют многомерную связь отдельного текста с множеством других текстов и дискурсов посредством аллюзий, комментариев, отсылок, цитаций и пр.

И, наконец, воспользовавшись современными достижениями экологической лингвистики, мы пришли к выводу о существовании так называемого природно-биологического поля, отражающего неразрывную связь текста/дискурса с окружающей природной средой.

Таким образом, мы описали ядро (содержательное поле) – источник эксплицитного смысла и шесть периферийных полей – источников имплицитных смыслов, что позволяет говорить о семи полях переводческого пространства.

Расширенная схема переводческого пространства выглядит так (см. рис. 1):

Рис. 1. Схема переводческого пространства

Так выстраиваются семь полей переводческого пространства, осмысление которых позволит переводчику создать экологичный текст перевода, т.е. такой текст, где соблюдены не только принципы культуросообразности, но также принципы природосообразности.

Для понимания концепции переводческого пространства необходимо остановиться на категории гармонии, выступающей аксиологической доминантой процесса перевода.

Мы исходим из положения о том, что стремление переводчика к адекватности или эквивалентности оправдано в определенных ситуациях переводческой коммуникации. В связи с этим появилась необходимость ввести новую лингвопереводческую категорию, которая охватывала бы разнообразные типы взаимоотношений, возникающих между текстами оригинала и перевода, а именно, категорию гармонии, которая послужила основанием разработки теории гармонизации. Согласно данной теории, гармония характеризует высший уровень качественного перевода, при котором смыслы текстов оригинала и перевода соразмерны, гармоничны, а сам текст перевода становится достоянием другого языка и другой культуры, он естественным образом вписывается в иноязычную культуру, обогащая ее.

Так выстраивается иерархия критериев качественного, в нашем понимании, гармоничного перевода:

– адекватный перевод, отражающий существующие словарные соответствия между текстами оригинала и перевода; с позиций переводческого пространства переводчику удастся транспонировать эксплицитные смыслы содержательного поля;

– эквивалентный перевод, содержащий все межъязыковые преобразования, трансформации, замены; переводчик транспонирует имплицитные смыслы полей субъектов переводческой коммуникации и эмотивные смыслы энергетического поля;

– собственно гармоничный перевод, содержащий все межкультурные преобразования, в результате гармонизации смыслов в фатическом поле и природно-биологическом поле;

– дисгармоничный перевод как результат совершения переводческих ошибок и несоответствий.

В качестве иллюстрации рассмотрим формирование переводческого пространства на примере фатического и природно-биологического полей. Проанализируем два варианта перевода величайшей книги XX в. Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» («A la recherche du temps perdu», 1913 г.). Первый выполнен М.В. Толмачевым и опубликован в 1992 г., второй – Е. Баевской в 2008 г.

Приведем фрагмент оригинала:

J'appuyai tendrement mes joues contre les belles joues de l'oreiller qui, pleines et fraîches, sont comme les joues de notre enfance. Je frottai une allumette pour regarder ma montre. Bientôt minuit. C'est l'instant où le malade qui a été obligé de partir et a dû coucher dans un hôtel inconnu, réveillé par une crise, se rejouit en apercevant sous la porte une raie de jour. Quel bonheur, c'est déjà le matin! Dans un moment les domestiques seront levés, il pourra sonner, on viendra lui porter secours. L'espérance d'être soulagé lui donne du courage pour souffrir. Justement il a cru entendre des pas; les pas se rapprochent, puis s'éloignent. Et la raie du jour qui était sous la porte a disparu. C'est minuit; on vient d'éteindre le gaz; le dernier domestique est parti et il faudra rester toute la nuit à souffrir sans remède.

Перевод этого фрагмента, выполненный М.В. Толмачевым, выглядит так:

Я слегка прикасался щеками к ласковым щекам подушки, таким же свежим и пухлым. Как щеки нашего детства. Я чиркал спичкой и смотрел на часы. Скоро полночь. Это тот самый миг, когда заболевшего путешественника, вынужденного лежать в незнакомой гостинице, будит приступ и он радуется полоске света под дверью. Какое счастье. Уже утро! Сейчас встанут слуги, он позвонит, и они придут ему на помощь. Надежда на облегчение дает ему силы терпеть. И тут он слышит шаги. Шаги приближаются, потом удаляются. А полоска света под дверью исчезает. Это – полночь; потушили газ, ушел последний слуга – значит, придется мучиться всю ночь.

Перевод этого же фрагмента, выполненный Е. Баевской:

Я нежно прижимался щеками к прекрасным щекам подушки, тугим и свежим, словно щеки нашего детства. Я чиркал спичкой,

смотрел на часы. Скоро полночь. Время, когда разбуженный приступом больной, которому пришлось уехать и заночевать в незнакомой гостинице, радуется, приметив под дверью полоску света. Какое счастье, уже утро! С минуты на минуту встанут слуги, он позвонит, ему помогут. Надежда, что скоро станет легче, придает ему стойкости. Вот и шаги слышны, они приближаются, потом удаляются. И полоска света под дверью исчезла. Полночь; только что погасили газ; ушел последний слуга, и всю ночь придется терпеть, и нет спасения.

Проанализируем завершающую фразу этого фрагмента:

«C'est minuit; on vient d'éteindre le gaz; le dernier domestique est parti et il faudra rester toute la nuit à souffrir sans remède» .

«Это – полночь; потушили газ; ушел последний слуга – значит – придется мучиться всю ночь»

«Полночь; только что погасили газ, ушел последний слуга, и всю ночь придется терпеть, и нет спасения».

Сравнивая два варианта перевода, приходим к выводу, что первый является эквивалентным, второй – гармоничным.

Иными словами, ни один из переводчиков не выбрал стратегию адекватного перевода, в этом случае он перевел бы *«souffrir sans remède»* «страдать без лекарства», что совершенно не передает всей безысходности описываемой автором ситуации. Можно предположить, что переводчик М.В. Толмачев осуществил необходимые межъязыковые трансформации, в то время как Е. Баевская выполняет определенное культурологическое исследование, выстраивая фатическое поле переводческого пространства. В русском языке есть очень экспрессивное выражение *«и нет спасения»*, которое максимально полно раскрывает авторскую мысль. Кроме того, весь фрагмент настолько пронзительно и тонко передает душевные муки страдающего бессонницей человека, что создаваемое переводчиком природно-биологическое поле порождает смысловую гармонию текста перевода, который воспринимается русским читателем столь же естественно, как и оригинал. Таким образом, в переводческом пространстве происходит осмысление фатического и природно-биологического полей и текст перевода становится достоянием иной культуры.

Достижение переводчиком семантической гармонии и означает, с нашей точки зрения, рождение «пограничного языка». С одной стороны, гармоничный перевод с французского создан на корректном русском языке. С другой стороны, переводчик создает текст, который не просто воссоздает смыслы оригинала, осознанно или неосознанно,

он выполняет своего рода «приращение смысла». Образно говоря, в поисках смысла он выходит «за границу» точных словарных соответствий. В результате искомый смысл выражается иными словами. Если уяснить то количество языков, на которые переведен роман М. Пруста, можно предположить, какие приращения смысла возникают в каждом из языков, а также какие «пограничные языки» возникают в результате преобразующей деятельности переводчиков.

Таким образом, мы попытались показать, что достижение семантической гармонии в переводческом пространстве становится возможным, если переводчик учитывает не только принцип культуросообразности, о чем мы неоднократно писали, анализируя процесс гармонизации смыслов в фатическом поле, которое выступает полем культуры, но и принцип природосообразности, который реализуется в природно-биологическом поле. Введение природно-биологического поля в существующую смысловую модель перевода позволяет учитывать природно-обеспечивающую жизнедеятельность человека и адекватность его взаимодействия с природой, что находит отражение в тексте и придает данной модели системный характер, акцентируя тем самым внимание на системности переводческого анализа в целом.

Не подлежит никакому сомнению, что исследование «пограничного языка» как особого переводческого феномена и как явления культуры обогатит переводоведческое мышление и расширит понятийный аппарат науки о переводе.

Литература:

- Гумбольдт. Вильгельм фон. 1984. Избранные труды по языкознанию. Москва.
- Иванова. Ольга 2010. Пограничный язык. в. *Литературная газета*, 8–14 сентября 2010. С. 5.
- Кушнина. Людмила В. 2009. *Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства*. Пермь. 196 с.
- Пруст. Марсель. 1992. *По направлению к Свану*. Ч. 1. *Комбре*. Москва. 368 с.
- Пруст. Марсель. 2008. *Комбре*. Санкт-Петербург. 302 с.
- Рябцева. Надежда К. 2005. *Язык и естественный интеллект*. Москва. 640 с.
- Proust. Marcel 1970. *A la recherche du temps perdu. Du côté de chez Swann*. Москва. 436 p.